

Ольга БЕЛАН, журналист

Известия. 1994. - Февр. - С. 6.

Нани Брегвадзе любит мыть полы. Она вообще любит убирать свой дом, свою большую квартиру в центре Тбилиси. Трудно себе представить блистательную, неземную Нани Брегвадзе с тряпкой и ведром! Но лишь до той минуты, пока не начинаешь с ней говорить, пока с немислимых вершин сцены она не спускается к нам на землю. Чтобы стать обыкновенной женщиной.

— Нани, я на всю жизнь запомнила одну газетную шапку: есть певицы, есть очень хорошие певицы и есть Брегвадзе. В созвездии звезд нашей эстрады вас ни с кем невозможно спутать. Загадочный, далекий от мирской суеты образ сознательно придуман вами!

— Я никогда ничего не делала специально. Я такая, как все, и пою только о том, что пережила и прочувствовала сама. Вот сейчас, к примеру, я не хочу петь, не чувствую внутренней потребности — и ничто в мире

не заставит меня. Ни соблазнительные гастролы, ни высокие гонорары. Самый верный путь к счастливой жизни — прислушаться к себе и повиноваться своим желаниям.

— И вы всегда следовали этому принципу?

— Всегда. Я рано начала петь — в три года. У нас была очень музыкальная семья, все умели петь и музицировать, а моя теща выступала на сцене как профессиональная певица. В 18 лет она пела на музыкальной декаде Грузии в Москве, и сам Ка-

Нани Брегвадзе: БОЛЬШЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ Я ЛЮБЛЮ ЧИСТЫЙ ДОМ

линин вручал ей орден — у нас сохранилась фотокарточка, запечатлевшая это событие. Мне бы ее тембр — у нее был изумительный голос!

Моя мама обожала русские романсы. В то время исполнять их считалось чуть ли не опасным, и она боялась, что они забудутся, пропадут. Она учила меня, и я в шесть лет пела «Капитку», правда, мало понимая смысл слов. Я пела — как дышала, и никогда не думала о карьере профессиональной певицы.

— Я знаю грузинские семьи и кавказское гостеприимство. Ни одно застолье в лучшие времена не обходилось без песен, гитары, музыки...

— Наша семья была именно такой. Гости нас посещали постоянно, в любое время дня и ночи. Мама всегда очень быстро накрывала стол, а я брала в руки гитару. У меня удивительная мама, она умерла год назад. Ее уход для меня — такая потеря, с которой я вряд ли когда-нибудь смирюсь. Мама была для меня всем. Когда я родилась, она бросила учебу и целиком посвятила себя мне, единственной дочери. У меня было такое счастливое детство, что я не могу, как ни стараюсь, вспомнить ни одного грустного дня.

— Этим редко кто может похвастаться.

— А я — могу. Мы жили в большом дворе одной семьей с папиными сестрами — у него их

было шесть. Моя мама была так воспитана и имела такой ангельский характер, что умела ладить со всеми и сглаживать любой конфликт. У нее всегда было хорошее настроение, и даже в самые мрачные времена она говорила: «Ну и что? Все уладится, все будет хорошо». Она меня никогда не ругала, не менторствовала. Если и была чем-то недовольна — моим костюмом или песней, которую я исполняла — только спрашивала: «Тебе это нравится?»

Она так много значила в моей жизни, что я оказалась совершенно не готова к ее уходу и к тому, чтобы жить без нее. Я даже курить стала из-за того, что никак не могу смириться с ее смертью.

— Это ужасная потеря, но нельзя жить в скорби, что-то вас утешает на этой земле!

— Моя семья и мой дом. Моя дочь, слава Богу, не ограничилась одним ребенком и родила мне троих внуков. Моей младшей внучке два годика, и я посвящаю ей все время. Сейчас для меня это важнее и интереснее, чем выступать с концертами.

— Ну а в вашем большом доме — Грузии — так сейчас тревожно, беспокойно.

— Сначала это был шок. В голове не укладывалось, как грузины могут убивать грузин. Любую войну ни оправдать, ни понять невозможно, но когда грузин против грузина? Вы это можете понять? Я — нет. Я объ-

ясняю это только тем, что на людей нашло затмение.

— На всю нацию!

— Ну затмение может найти и на весь мир...

Я вот что вам скажу. В каждом человеке поровну хорошего и плохого. Родители воспитывают ребенка так, чтобы развить хорошее и затоптать плохое. И когда пришел к власти Звиад, в нем почему-то все плохое всплыло наружу. Он никогда не любил культуру — и вся интеллигенция у нас замолчала. Я мало его знала, зато дружила с его сестрой, общалась с матерью, они были прекрасные люди, а отчего он такой — не понимаю. Он допустил самое страшное: дал возможность пробудить в людях — особенно молодых, невыдержанных — самое низменное и дурное.

Много надежд было на возвращение Шеварднадзе, но все оказалось не так просто. В дни чрезвычайного положения культурная жизнь Тбилиси замирала. Не работали театры — а их у нас восемь. Были закрыты концертные залы. Сейчас все оживает. Правда, спектакли идут либо в два часа, либо в четыре часа дня, потому что вечером страшно ходить по улицам...

Я давно не давала сольных концертов, хотя никогда не отказывалась выступать. Пока живо искусство, живы и мы.

Я не политик, воспринимаю все, что происходит, на эмоциональном уровне. На улицах стало мало улыбающихся людей — все больше хмурые, озлобленные лица. Мало машин, вообще транспорта — не хватает бензина. Нет еды, огня, тепла — трудно сейчас Грузии. Но я верю в свой народ и знаю, что мы с этим справимся.

— Вам не страшно оставаться в такой растерзанной стране! Не посещала вас мысль уехать за границу?

— Ни — ког — да! Уехать? Бросить свой дом, свой уголок, где все знакомо с детства и все создавалось собственными руками! Во имя чего? Чтобы лишний раз сытно поесть! Я и представить себе такое не могу.

— А как себя чувствуют русские в Грузии?

— Я так скажу: по фамилии русские в Грузии есть, но по сути они грузины. И переживают они все то, что переживаем мы. Если и уезжают, то ведь и грузины уезжают — тяжело сейчас всем. В Грузии всегда

были сильны русские традиции. Не зря же Пастернак прожил три года в Тбилиси, а Грибоедов — «русский зять» — и похоронен там.

— Нани, долгие годы вы были одной из самых популярных и любимых артисток не только народа, но и вождей. Как вы ощущали себя на правительственных концертах?

— Никогда не любила. Впервые, там я исполняла одну-две песни, не успеваешь за такое время достучаться до зрителей. Во-вторых, эти правители ни черта в искусстве не понимали и явно скучали в зале. Но, с другой стороны, это была и честь для меня, поскольку приглашали наравне с самыми известными и популярными актерами.

Поймите, я долго не могла поверить, что я — певица. Училась в консерватории по классу фортепьяно и готовила себя к карьере пианистки. Но в Тбилиси все всё друг про друга знают, однажды меня пригласили выступить с оркестром политехнического института, потом еще, еще... И все равно я не верила, что это серьезно. Даже когда звание народной артистки СССР получила, удивлялась — за что? Певицей я себя почувствовала, когда дала первый сольный концерт. Это было в 1980 году.

— Вы всегда выступаете под фортепьяно. Всегда рядом с вами Медея Гонглишвили — ваш бессменный аккомпаниатор. А с оркестром приходилось петь!

— Выступить с хорошим симфоническим оркестром — это мечта каждого исполнителя. Два года назад наш знаменитый дирижер Кахидзе предложил мне совместную программу. Он сам великолепный певец. И это был истинный праздник — он пел и дирижировал, выступала я, пела моя дочь. Она тоже певица, но, к сожалению, из-за детей не может часто ездить на гастролы. Нет гастролей — нет популярности, а что без этого актер? Я обвездила весь Советский Союз вдоль и поперек, по несколько раз бывала в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке.

— Скажите, Нани, а как гастрольная жизнь влияет на семью, на личное счастье?

— А вот так и влияет, что я рано разошлась с мужем и уже много лет одна. Он был прекрасный человек, обожал меня и дочь. Но когда по три-четыре

месяца не бываешь дома, начинается отчуждение, непонимание... И потом я зарабатывала тогда много больше его, какой грузин выдержит такое?

— О вашей личной жизни ничего неизвестно, тогда как под робности интимной жизни многих наших звезд смакуются сейчас до жвачки. Вы сознательно ограждаете себя от слухов и разговоров на эту тему!

— Видите, у нас в Грузии нравственные законы много строже, суровее, чем в России. У нас редкая женщина после развода может снова создать семью. Сейчас, конечно, молодежь проще на это смотрит, они легче сходятся и расходятся. Они свободнее, раскрепощеннее нас. Это, наверное, хорошо...

— Вы сказали «наверное» очень неуверенно...

— Да, потому, что я другого поколения человек. Не верю, когда говорят: «Мне наплевать, что скажут другие». Мы, как только рождаемся, начинаем зависеть друг от друга, поэтому нам не может быть наплевать, что скажут о нас другие — как раз нам это очень важно.

Я не скрывала специально свою личную жизнь от посторонних глаз. Просто она у меня была очень спокойная. Да, приходилось от многого отказываться. Я не могла себе позволить интрижки и флирты, потому что я не могу сойтись с человеком, которого не люблю. Но огромная любовь посетила меня, долго длилась, и хотя мы не могли соединить наши жизни, я счастлива, что довелось испытать такое чувство.

Конечно, я могла выйти замуж. У меня были два случая, когда приходили совершенно незнакомые люди и предлагали руку и сердце.

— И как вы выходили из таких ситуаций?

— С юмором. А как еще можно из них выходить?

— Расставаясь с мужем, не боялись остаться навсегда одна!

— Я никогда не была одна. В моей жизни всегда было что-то такое, что заполняло меня полностью, — работа, семья, дом, да много чего. Люди по-разному понимают счастье.

— Что вы не можете простить людям?

— Вранья и подлости. Правда, замечу, со мной никто никогда не обходился подло. Видимо, интуитивно меня тянет к по-

рядочным и добрым людям. Подлость я бы не смогла простить. Я бы умерла, наверное.

— Ваши симпатии в искусстве!

— На эстраде я вижу только одну певицу — Аллу Пугачеву. Она поет много разных песен — хороших и средних, но вдруг у нее появляется такая песня, за которую ей все можно простить — и средние песни, и короткие юбки, и недостаток вкуса.

Обожаю Баталова. В жизни он так же интеллигентен, как и на экране; — видимо, интеллигентность нельзя сыграть.

— Вы снимались в кино?

— Да, в маленьких эпизодах. У Абуладзе в «Ожерелье для моей любимой». Я когда-то в детстве очень мечтала о кино. Но когда меня пригласили сниматься — желание уже перерело.

— У вас в Москве много друзей!

— Да, много. Самые близкие — Саша Мирабеев, пластический хирург, и его жена Ира.

— Где вы одеваетесь? Трагично ли особые усилия, чтобы хорошо выглядеть?

— Одеваюсь в основном за границей. Концертные платья чаще шью на заказ. Любимый цвет — черный. Иногда в сочетании с белым. Голубой, розовый, зеленый — это не для меня.

В парикмахерскую не хожу, даже стрижку делаю себе сама. Этому научили долгие годы гастрольной жизни. Ничего особенного не делаю, чтобы «выглядеть». Но никогда не выйду к людям без легкого макияжа. Вообще, «выглядеть» зависит не от того, как на нас смотрят другие, а от того, как мы сами себя ощущаем.

— Что вы любите готовить? Ведь грузины — известные кулинары.

— Нет, я не умею и не люблю заниматься приготовлением пищи. С детства меня к этому не приучили, и для меня сущая пытка даже почистить картошку. Ну а вообще грузинскую кухню люблю — все блюда, где присутствуют овощи и орехи.

Из домашних дел я предпочитаю убирать квартиру, никогда не лягу спать, если не вымою полы. Я просто обожаю чистоту в доме, и завтра, как только прилечу в Тбилиси, сразу возьмусь за это.

Фото
Валерия КУЗНЕЦОВА.